ISSN 0130-6545

ИЛ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПОВЕСТЬ ГЕРТЫ МЮЛЛЕР "ЧЕЛОВЕК В ЭТОМ МИРЕ — БОЛЬШОЙ ФАЗАН"

"ГРЕГОРИИ" РАМОНА ГОМЕСА ДЕ ЛА СЕРНЫ

"ИЗ КЛАССИКИ XX ВЕКА": ПОВЕСТЬ ДЖЕКА КЕРУАКА "ПИК (ЭТО Я)"

2014

4

Основан в 1955 году

SHOUT
SHARE
IT

- Игорь Ефимов

Игорь Ефимов
Филип Рот (р.1933)

БАС. Вот вечный спор: позволено ли нам, читателям, видеть в образах литературных персонажей самого автора? Уже Пушкин писал: «Всегда я рад заметить разность /Между Онегиным и мной… Как будто нам уж невозможно / Писать поэмы о другом, / Как только о себе самом». Насколько молодой Гёте отразился в Вертере? Стендаль — в Жюльене Сореле? Бальзак — в Растиньяке? Томас Манн — в Ашенбахе? Набоков — в Гумберте Гумберте? Сэлинджер — в Холдене Колфилде? В этом ряду Филип Рот представляется неким чемпионом литературных пряток. Из романа в роман у него кочует alter ego по имени Натан Цукерман, но параллельно возникают и другие двойники, которые, в свою очередь, начинают двоиться и расплываться. Только-только нам покажется, что вот — мы ухватили подлинный автопортрет писателя, а он уже кричит из другого угла комнаты: «Обман! Опять не я! Опять надул простофиль!»

ТЕНОР. Даже в автобиографической книге под названием «Факты» (1988) Рот продолжает запутывать нас, прятаться за ширмы и маски. Имя своей первой жены, Маргарет Михаэльсон, прячет за вымышленным именем Джози Дженсен. Других многочисленных подруг не упоминает. Об актрисе Клэр Блум, с которой он состоял в неофициальном браке с 1976 года, — ни слова. Страшная нервная депрессия, пережитая им в середине 1980-х, доходившая до полного впадения в детство («Нет, не заставляй меня идти в бассейн, я боюсь!»), в тексте этой псевдоавтобиографии помечена двумя словами. В рассказе о себе Рот строит повествование с такой же осторожностью, с какой подозреваемый в преступлении вел бы себя на допросе в полиции: подсовывает разные версии происходившего, меняет даты и место действия, прячет подлинные имена участников.

БАС. В предисловии к книге «Факты» Рот пишет, что по степени самообнажения он видит себя где-то посредине между эксгибиционизмом Нормана Мейлера и патологической засекреченностью Сэлинджера. На сегодняшний день мы имеем слишком мало данных и «свидетельских показаний», чтобы провести серьезное «следствие по делу», отделить мерцающие обличья двойников от фигуры самого автора. В связи с этим, почему бы нам не притвориться наивными олухами и не принять все вымышленные «я», рассыпанные в его романах, буквально? Ведь в творческом процессе писатель, говорящий от первого лица,

всегда должен поверять поведение героя собственным эмоциональным и жизненным опытом. Использование «я» неизбежно должно приоткрывать какую-то правду о самом пишущем.

ТЕНОР. Действительно, при таком подходе мы окажемся избавлены от необходимости объяснять, откуда мы получили те или иные «улики» для нашего следственного дела. Мы будем вправе отмахнуться от литературных уверток нашего подследственного и исходить из допущения, что по своей психологической сути Нил Клугман, Александр Портной, Натан Цукерман, Дэвид Кепеш, Колман Силк, Баки Кантор и прочие есть одно и то же лицо, в реальной жизни пользующееся водительскими правами, выписанными на имя Филипа Рота. «Подозреваемый» говорит от первого лица — ведь это равносильно признанию. Что может быть лучше! «А вдруг его признания вырваны пыткой?» — спросят нас законники и гуманисты. «Подобный вид пытки называется *жизнь,* и он разрешен во всех цивилизованных государствах», — ответим мы. И сможем прямиком отправиться в детство и отрочество Филипа Рота, которое так блистательно описано им в романе «Случай Портного» (1969).

БАС. Из этого романа мы узнаём, что мальчик, которого мы дальше будем называть Алекс-Натан, родился и рос в еврейской семье, жившей в городе Ньюарк, штат Нью-Джерси. Что отец его был агентом по продаже страховых полисов, а мать вела домашнее хозяйство и растила детей. Она учила их быть вежливыми, честными, старательными, богобоязненными, учила правилам, завещанным еврейской традицией, но главное — следила за их питанием. Если ей казалось, что сын слишком мало съел за обедом, она усаживалась рядом с ним, держа в руках длинный кухонный нож, и мальчик, давясь от страха, запихивал в себя ненавистную еду. Если она подозревала, что по дороге из школы он съел в какой-то забегаловке поджаренный картофель или гамбургер, она начинала рыдать и умоляла его никогда не делать этого. «У тебя начнется хронический понос и недержание мочи», — грозила она доверчивому ребенку.

ТЕНОР. Пытаясь поймать его на очередном гастрономическом преступлении, она требовала, чтобы он не спускал воду в туалете, дал ей посмотреть на «улики». Но Алекс-Натан каждый раз делал вид, что забыл о приказе, и воду спускал. Ибо ему необходимо было скрыть следы более серьезного «преступления». Довольно рано он открыл для себя радости мастурбации и предавался этому пороку по нескольку раз в день. Иногда они с приятелями усаживались в кружок и по

команде устраивали состязание — кто первый кончит. Если герои маркиза де Сада из книги в книгу стегают розгой женщин, если герои Захер-Мазоха дают женщине стегать и унижать себя, то герои Филипа Рота упоенно и изобретательно мастурбируют в туалетах и скверах, в такси и в автобусах, используя то свою руку, то пальцы покладистой партнерши, то носовой платок, то кусок сырой говяжьей печенки. («Доктор, поймите, я трахнул обед моей семьи!»)

БАС. Среди участников и идеологов «сексуальной революции», прокатившейся по Америке во второй половине XX века, Филипа Рота можно уподобить некоему Робеспьеру, доводящему воинственные лозунги и догматы до крайности. На его гильотину отправлены все романтические сантименты, а также стыдливость и скромность, они изгнаны из его произведений как нечто позорное, как дань прогнившей буржуазной морали. Мужские и женские гениталии присутствуют на страницах его прозы во всех возможных ракурсах и сочетаниях, нецензурные слова мелькают чуть ли не в каждом абзаце. Ведь правда жизни, по понятиям Алекса-Натана, в том и состоит, что все мужчины и женщины только и ищут, как бы совокупиться друг с другом, а те, кто отрицает этот очевидный факт, просто трусы или лжецы.

ТЕНОР. В романе «Случай Портного» очень красочно описано, как Алекс-Натан нашел партнершу, обладающую восхитительной попкой и разделяющую его взгляды на отношения полов. При первой встрече на улице между ними происходит такой диалог: «Хай… Мне кажется, мы уже встречались где-то?..» — «Чего тебе надо?» — «Я бы хотел пригласить вас распить стаканчик…» — «Еще один блядун на мою голову». — «Тогда как насчет пососать твою пипку?» — «Вот это уже лучше», — отвечает прелестница. И счастливая парочка тут же отправляется к ней домой.

БАС. В этом романе автор дает героине имя Мэри Джейн Рид, по прозвищу Обезьянка. У нее за плечами уже два развода, где-то ошиваются двое рожденных ею детей. Прежние мужчины обращались с ней ужасно, смотрели сверху вниз, оскорбляли, избивали, бросали. И в Алексе-Натане вдруг вспыхивает желание стать ее рыцарем в сияющих латах, искупить чужую вину, показать ей, себе, всему миру, как ведет себя настоящий мужчина. Подобная схема отношений будет многократно всплывать и в других романах Рота, и та же героиня будет появляться там под другими именами. Ее образ превратится в типаж. Чтобы не потерять этот кочующий из книги в книгу персонаж, нам следует обозначить его каким-то условным кодом-

прозвищем. Например, ДУМ — Девушка, Униженная Мужчинами.

ТЕНОР. В романе «Моя мужская правда» (1974) ДУМ выведена под именем Морин Тарнапол. Там ее вульгарность, бесчестность, манипуляторство доведены до гротеска. Больше того, ей удалось нащупать слабую струну Алекса-Натана и безотказно надавливать на чувство вины, взращенное в нем еврейским воспитанием. В какой-то момент она объявляет, что забеременела и он должен на ней жениться. «Как забеременела? Не может быть! Мы вели себя так осторожно!» — «Не веришь? Я пойду и сделаю тест, чтобы ты убедился», — говорит хитрая ДУМ. Сама же отправляется в близлежащий сквер, находит там беременную негритянку и за скромную плату покупает у нее баночку мочи, которую и сдает на анализ в аптеку. Алекс-Натан в ловушке, а ей только того и надо. Есть убедительные свидетельства того, что первая женитьба Филипа Рота произошла именно таким образом.

БАС. Два года супружеской жизни были мучением для Алекса-Натана. Только страх, что жена исполнит свою угрозу и покончит с собой, удерживал его. Но когда он наконец решился расстаться с ней, ДУМ не только не повесилась, но продолжала следовать за ним, куда бы он ни пытался удрать от нее. Оказалось, что, по законам штата Нью-Йорк, жена может отказывать мужу в разводе до бесконечности и все это время получать алименты, равные половине его доходов. Только чудо спасло Алекса-Натана, как и самого Рота: на пятом году его мучений ненавистная жена погибла в автомобильной аварии.

ТЕНОР. Однако ужас перед неволей моногамных отношений остался в нем надолго. Пройдет больше двадцати лет, прежде чем Филип Рот решится снова надеть на себя брачные узы. Тянутся одна за другой связи различной длины и страстности, но по большей части он живет один, в загородном доме в штате Коннектикут. Его уединение не доходит до таких крайностей, как у Сэлинджера, время от времени он появляется в нью-йоркских редакциях, в ресторанах, на церемониях вручения ему различных литературных наград, разъезжает по свету. Однако есть много черт, сближающих этих двух писателей. Например, равнодушие к природе. Алекс-Натан сознается, что у него ушло семнадцать лет, чтобы научиться опознавать дуб, и то лишь в случае, если на нем видны жёлуди. Другая общая черта — гневливость. В послевоенном поколении «сердитых молодых людей» Рот вполне мог бы побороться за титул «самого сердитого».

БАС. Поначалу мальчик Алекс-Натан был послушным ребенком, старался принять все правила и верования еврейской среды, внушаемые ему заботливой матерью. Однажды, глядя на

снежный буран за окном, он спросил: «Мама, а в зиму мы верим?» Но постепенно примитивное разделение людей на хороших евреев и плохих гоев начало вызывать у него протест. Зачем нужны все эти идиотские кошерные правила с едой и посудой? Только для того чтобы дрессировать во мне слепое послушание? Почему я должен ходить в синагогу и слушать раввина, который несет чушь про доброго и справедливого Бога, карающего грешников и вознаграждающего праведников? Что ж, по-вашему, шесть миллионов евреев, погибших в Холокосте, все были грешниками, заслужившими свою судьбу?

ТЕНОР. Религиозные сомнения подростка хорошо воссозданы Ротом в раннем трагикомическом рассказе «Обращение евреев». Там четырнадцатилетний Алекс-Натан (скрывшийся под именем Ози), готовясь к бармицве, вступает в богословский спор с ребе Байндером, доказывая, что если Господь всемогущ, как утверждает Тора, то значит Он мог даже зачать Христа непорочным способом. Взбешенный кощунственной непокорностью ребе в конце концов дает мальчику пощечину. Ози в слезах убегает на крышу синагоги и грозит броситься оттуда на асфальт. Вызванные пожарные растягивают внизу сеть, но мальчик перебегает на другую сторону крыши. Внизу уже собралась толпа, мать и ребе умоляют беглеца не кончать с собой. Почувствовав свою власть над ними, Ози заставляет обоих опуститься на колени. А раввину приказывает вслух торжественно признать, что да, Господь мог произвести Христа от девственницы. Добившись своего, он прыгает в растянутую сеть.

БАС. Этот ранний сборник «Прощай, Коламбус!» (1959) вызвал большой гнев еврейской общины. Особенно возмутил читателей рассказ «Защитник веры», напечатанный также в журнале «Нью-Йоркер». Действие его происходит в военном лагере на территории Америки летом 1945 года. Солдат-еврей по фамилии Гроссбарт разными уловками пытается получать мелкие льготы от сержанта Маркса, тоже еврея. Пока речь идет о соблюдении еврейских праздников и о доступе к кошерной еде в общей столовой, Маркс нехотя идет навстречу солдату. Но потом он узнает, что Гроссбарту удалось связаться с еврейским писарем в штабе полка и подбить того вычеркнуть его имя из списка отправляемых на Тихоокеанский фронт. Возмущению Маркса нет предела, и он добивается, чтобы фамилию Гроссбарта вернули в список.

ТЕНОР. По поводу этого рассказа Роту пришлось давать объяснения представителям Антидефамационной еврейской лиги и собранию студентов ешивы. Его объявили антисемитом, обвинили в клевете и кощунстве. Разгневанные студенты

спрашивали, написал бы он такой рассказ, если бы жил в нацистской Германии. Все это явилось настоящим шоком для молодого писателя. Оправдываясь, он говорил, что в юности собирался стать адвокатом, чтобы защищать людей от несправедливых преследований, и как раз намеревался предложить свои услуги Антидефамационной лиге.

БАС. Мечта о защите справедливости неизбежно приводит юношу к идее равенства людей. «Если это делает меня коммунистом, — вопит Алекс-Натан, — то и пусть… Это все же лучше, чем послушно молиться в синагоге, когда все уже знают, что религия есть опиум для народа. В Советском Союзе люди равны независимо от их расы, веры или цвета кожи. Мой коммунизм начнется с того, что я буду есть вместе с нашей черной кухаркой — за тем же столом, из той же посуды и то же самое, что ест она… У меня из ушей лезет сага о страданиях еврейского народа, которая ставит его выше других. Я хочу быть просто человеком, с теми же правами, что у всех!»

ТЕНОР. Однако справедливость — не такая простая вещь, как это кажется ее идолопоклонникам. Вот в романе «Прощай, Коламбус!» молодой библиотекарь знакомится с негритянским подростком. Этот мальчик, лишенный из-за расовых предрассудков многих жизненных благ, приходит в библиотеку каждый день, отправляется в отдел книг по искусству, усаживается на пол и начинает с увлечением листать альбом репродукций с картин полюбившегося ему Гогена. Да, вот так: не носится по улицам, не вступает в шайку, не накачивается наркотиками, а поддается зову прекрасного — как славно! Но однажды немолодой белый читатель кладет тот самый альбом на стол библиотекаря и просит отметить книгу в его читательском билете — она нужна ему дома на несколько дней. Что делать? Неужели лишить обделенного мальчика его единственной духовной пищи? Ни за что! И герой Рота лжет старику, говорит, что не может дать ему книгу, потому что она зарезервирована другим читателем.

БАС. Вообще Алекс-Натан пользуется обманом легко и без заметных угрызений совести. Что делает сержант Маркс в рассказе «Защитник веры», когда узнает об уловках Гроссбарта? Нет, он не подаёт рапорт капитану. Он звонит знакомому секретарю в штабе полка и сплетает такую историю: у Гроссбарта, дескать, в Европе погибли родственники, и он рвался в бой — мстить врагам; теперь он страшно подавлен тем, что его лишили такой возможности; нельзя ли вернуть его в списки отправляемых на фронт? Ложь срабатывает, Гроссбарт отправляется на войну, призывая еврейские проклятья на голову своего преследователя.

Тот же очень доволен удавшимся трюком. Ведь справедливость тем и хороша, что в борьбе за нее годятся все средства.

ТЕНОР. В своих отношениях с женщинами Алекс-Натан тоже демонстрирует своеобразное понимание этических норм. Вот у него завязался роман с прелестной девушкой Салли Молсби. Она из богатой гойской семьи, с чередой предков, уходящей в далекое прошлое. Она ездит на лошадях, любит охотиться на фазанов, умеет водить парусную яхту. Сексуальная революция не обошла ее, она охотно одаривает молодого поклонника своей нежностью. Единственное исключение — она отказывается делать ему минет. «Но почему, почему?» — не может понять Алекс-Натан. «Потому что не хочу». — «Приведи хоть одну разумную причину. Ведь я делаю тебе это охотно». — «Ты можешь не делать этого». — «Но я хочу, хочу!» — «А я — нет». — «Ты должна сказать мне причину». — «Ничего я не должна». Три месяца длились уговоры упрямицы. Наконец, она уступила со слезами, но чуть не задохнулась при бесплодных попытках. И что же Алекс-Натан? Он интерпретировал это как дискриминацию, как проявление антисемитизма и расстался с девушкой.

БАС. Еще более нелепой была причина расставания с Кэй Кэмпбел по прозвищу Пампкин (Тыквочка). Чудесная девушка со светлыми, льющимися волосами, воплощавшая доброту и здравый смысл американского Среднего Запада. Она никогда не повышала голоса, не насмехалась над собеседником, не понимала, как это можно кого-то ненавидеть. При этом предметом ее занятий в университете была английская литература, а на политическом фронте она была даже более горячим противником республиканцев, чем ее возлюбленный. Они уже обсуждали планы женитьбы, бедность их не пугала: матрас на четырех кирпичах, книжная полка, потом — когда-нибудь — детская коляска. В какой-то момент Алекс-Натан обронил: «Ну и, конечно, ты перейдешь в иудаизм». — «С чего это я захочу сделать такой странный поступок?» — спокойно спросила Кэй. И все было кончено. Наш атеист, отбросивший веру отцов в четырнадцать лет, наш ненавистник раввинов и синагог, не смог смириться с подобной мерой независимости подруги и предпочел расстаться с ней.

ТЕНОР. А чего стоит история разрыва с другой очаровательной «шиксой» — Брендой — из романа «Прощай, Коламбус!». Ее семья приветливо приняла героя в своём богатом доме, он проводил там чудные дни, а по ночам смелая девушка тайно пускала его в свою спальню. Но в нем жило чувство ответственности, и после долгих уговоров он добивается, чтобы Бренда нанесла визит гинекологу и приобрела

противозачаточную диафрагму. Увы, в какой-то момент строгая мать девушки обнаруживает запретный предмет в ее тумбочке и устраивает дикий скандал молодым людям. «А не нарочно ли моя возлюбленная подстроила это разоблачение? — спрашивает себя мнительный герой. — Не пытается ли она таким образом заманить меня в брачные сети?» И исчезает из ее жизни.

БАС. Помешанность Алекса-Натана на сексуальных проблемах может быть связана с одним эпизодом, мельком упомянутым в романе «Случай Портного». Когда ему было десять лет, встревоженный отец обнаружил странную вещь: в мошонке мальчика прощупывалось только одно яичко. Врач объявил, что такое случается, что это не опасно, но на всякий случай предложил сделать серию уколов мужских гормонов. Отец не посмел отклонить совет врача — тем более, еврея! Вполне возможно, что именно эти уколы обрекли Алекса-Натана-Филипа на пожизненное служение богу Эросу. Правда, я не уверен, что мы должны верить его рассказам о том, как его сперма при мастурбации долетала до потолка.

ТЕНОР. Родители Хемингуэя пришли в ужас от ранних книг своего сына. Воображаю, что должны были пережить родители Филипа Рота, узнавая себя в образах отца и матери Алекса Портного. Немудрено, что сам Рот не завел детей: он слишком хорошо знал, как страстно дети рвутся прочь из-под родительской власти и какую боль они могут причинить. Эта тема будет всплывать во многих его поздних романах. В одном из них жена героя попадает в психиатрическую лечебницу, потому что считает себя виновной в самоубийстве отца, в другом — отец, наоборот, обречен жить под ненавидящим взглядом любимой дочери.

БАС. Каждому подростку свойственно бунтовать против навязываемых ему правил поведения, ограничивающих его свободу. Алексу-Натану достались правила иудаизма и бытовой еврейской добродетели, и он возненавидел и то и другое. Но отвергая право взрослых судить его по установленному кодексу, он, как и Холден Колфилд, жаждет повернуть стол, занять судейское место и судить их по своим законам. Откуда же взять другой кодекс, другой нравственный закон? Тут-то он и хватается за революционные лозунги, которые подсовывают ему радикалы всех мастей. Свобода, равенство, братство! Что может быть возвышеннее и справедливее? Многое указывает на то, что ненависть к «обществу эксплуататоров» зародилась в Алексе-Натане-Филипе очень рано.

ТЕНОР. Все же, при всей клоунаде и эротической браваде, «Случай Портного» остается искренним трагикомическим воплем современного американца, испускаемым на кушетке

психоаналитика. Роман принес тридцатишестилетнему писателю заслуженный успех, деньги, признание. Но после него из-под его пера одна за другой начинают выходить книги менее яркие, лишенные эмоционального жара и художественных озарений. «Наша банда» (1971), «Грудь» (1972), «Большой американский роман» (1973), «Литературный негр» (1979) — по большей части это романы про писание романов, про писательское и журналистское ремесло, ну и, конечно, про сексуальную жизнь литературной братии. Критики состязались в ядовитых нападках, обвиняли Рота в повторении приёмов и сюжетных коллизий, в «злонамеренной вендетте против человеческой природы», в «отсутствии литературного такта» и в «попытках тыкать читателя лицом в грязь повседневного существования».

БАС. После окончания колледжа Роту, тогда молодому начинающему писателю, довелось вести классы литературного мастерства в Университете Чикаго. Впоследствии он возвращался к преподавательской деятельности не раз. Не думаю, что эта работа пошла ему на пользу. Постоянные размышления о литературе, необходимость разъяснять студентам загадки творчества должны были мешать процессу интуитивной переработки эмоционального опыта в прозаическую ткань. Слишком часто в своих произведениях Рот не описывает, а объясняет, не переживает происходящее, а анализирует его. Журналист и критик оттесняет художника, и это смешение жанров рождает у читателя растерянность, порой переходящую в откровенную скуку.

ТЕНОР. Нужно быть очень начитанным человеком, чтобы не утонуть в литературных аллюзиях, используемых Филипом Ротом. Он ждет от нас, чтобы, натыкаясь в тексте на имена Артура Диммсдейла, Милли Тил или Ганса Касторпа, мы мгновенно вспоминали, что первое взято из романа Натаниэля Готорна «Алая буква», второе — из романа Генри Джеймса «Крылья голубя», третье — из «Волшебной горы» Томаса Манна. Также постоянно упоминаются имена знаменитых в свое время актеров и политиков, певцов и художников, телеведущих и радиокомментаторов. Через двадцать лет все эти люди забудутся, и переиздания романов Рота будут нуждаться в таком же количестве разъясняющих сносок, как «Потерянный рай» Мильтона или «Приключения Гулливера».

БАС. Не забудьте также звезд спорта. Эти разгуливают по страницам книг Филипа Рота, неся над головами нетускнеющий ореол авторского обожания, из них можно было бы собрать олимпийскую сборную. И спортивные занятия самих героев расписаны подробнейшим образом. Уже в первом романе,

«Прощай, Коламбус!», Нил Клугман то упражняется в бросках по баскетбольному кольцу, то устраивает долгие пробежки со своей подругой, то состязается с ней — кто дольше продержится под водой, то безжалостно обыгрывает в пинг-понг ее младшую сестренку, доводя девочку до слез.

ТЕНОР. Молодая британская писательница, Джейн Хобхауз, с которой у Филипа Рота был роман в начале 1970-х, тоже отмечала серьёзность, с которой он относился к атлетике. Обязательная вечерняя пробежка, упражнения с гантелями, умеренность в еде и выпивке, строгий спартанский образ жизни. Высокий, худощавый, широкоплечий, он, казалось, всегда таил в себе какую-то взведенную пружину, всегда был готов к прыжку, к атаке.

БАС. В своем романе «Фурии» (1993) Джейн Хобхауз вывела его под именем Джек и описала подробно, как он завлекал женщин в свои сети. «Если Джек решал очаровать вас, сопротивление было бесполезно. Увлекала не только быстрота его ума, но и игривость, делавшая беседу с ним похожей на матч в пинг-понг. Рассказывая о друзьях, знаменитых и не очень, он талантливо иммитировал их манеры, тонко подмечал слабости, мог быть безжалостным… Острота его воображения возбуждала меня, превращала общение с ним в волнующее и опасное приключение…»

ТЕНОР. Джек уже знаменит в американских литературных кругах, но одевается подчеркнуто скромно, не допускает никаких излишеств в убранстве своего жилища, сидит за пишущей машинкой до шести вечера, отключив телефон. Можно было подумать, что он намеренно исключал из своего быта все отвлекающие удовольствия, чтобы сам процесс писания, по контрасту, сделался для него главной радостью в жизни.

БАС. Но с самого начала героиня романа «Фурии» боится наскучить Джеку и предчувствует, что, порывая с возлюбленными, он останется равнодушным к страданиям, причиненным им. В какой-то момент она призналась Джеку, что только недавно перестала принимать литиум, прописанный ей против нервного расстройства. Этого оказалось достаточно: все изъявления любви Джека прекратились, телефон замолчал, при случайных встречах он демонстрировал лишь холодную вежливость. Обременять себя отношениями с психопаткой — кому это нужно?

ТЕНОР. Филипу Роту было сорок три года, когда в его жизнь вошла известная актриса Клэр Блум. Ей тоже было за сорок, за плечами у нее остался пылкий роман с Ричардом Бартоном, два супружества — с актером Родом Стайгером и с продюсером Хиллардом Элкинсом, а также десятки ролей, сыгранных на сцене

и на экране. Ее мать и подрастающая дочь жили в Лондоне, но ей часто приходилось оставлять их и лететь в Америку, если оттуда приходило приглашение на интересную актерскую работу. Именно во время такого визита произошла случайная встреча на улице с Филипом Ротом, с которым они познакомились за десять лет до этого на Лонг-Айленде. Каждый спешил по своим делам (Рот — к психоаналитику, Клэр — на встречу со своим инструктором по йоге), однако приветствия, мимолетный поцелуй в щеку, краткий обмен новостями — все, видимо, оставило след в душе обоих.

БАС. И еще Рот подарил ей экземпляр романа «Моя мужская правда». А она потом прислала ему из Англии хвалебное письмо про эту книгу. Ей понравилась блистательная изобретательность литературных ходов, острота психологических характеристик. Конечно, от нее не ускользнула и ярость автора на супружеский плен, в котором он оказался, его страх перед утратой свободы и перед собственным эротическим влечением, отдававшим его во власть женщины. Тревожные сигналы были налицо, но она говорила себе, что с нею у Филипа Рота все будет по-другому.

ТЕНОР. Во время следующего визита в Нью-Йорк в отеле ее ждал букет цветов и приглашение на обед, подписанное «Филип». Им было легко и интересно друг с другом, мир театра, кино, английской литературы и драматургии был для обоих родным и волнующим. На четвертый вечер прозвучали признания в любви, скрепленные объятиями и поцелуями в постели. Клэр нужно было вернуться в Англию. Через океан полетели письма, полные нежных слов, затем последовали долгие разговоры по телефону. Как раз в это время драматург и режиссер Гарольд Пинтер предложил Клэр главную роль в сценической адаптации романа Генри Джеймса «Поворот винта», которую он собирался ставить на Бродвее. Какая удача! Теперь у нее будет повод снова оказаться в Америке. Предложение казалось судьбоносным.

БАС. Клэр прибыла в Америку, взяв с собой мать и дочь Анну. Рассчитывая на долгие гастроли, она сняла для них недешевую квартиру в Нью-Йорке, а свой дом в Лондоне сдала. Увы, постановка не имела успеха, и ее пришлось закрыть после десяти спектаклей. Уже не в первый раз в своей актерской судьбе Клэр оказывалась в состоянии невесомости: работа внезапно закончилась, новых предложений не поступало. Филип Рот пригласил ее пожить в его доме, но четко указал срок: три недели. Он также решительно дал ей понять, что ее родным не будет места в их отношениях. Шестнадцатилетняя дочь Анна явно отнеслась враждебно к новому мужчине в жизни матери, и сам он никак не пытался преодолеть ее отчужденность.

ТЕНОР. Образовавшийся эмоциональный треугольник всплывет двадцать лет спустя в романе Рота «Мой муж — коммунист». Там дочь героини — музыкантша, осваивает игру на арфе. (Анна готовилась стать певицей.) Герой беззаветно влюблен в свою жену, но возмущается ее рабской зависимостью от капризов и диких требований взбалмошной дочери — злой и ревнивой манипуляторши. Конечно, в своих мемуарах Клэр Блум опишет сложившийся треугольник совсем по-другому.

БАС. После закрытия спектакля по роману Генри Джеймса Клэр поселилась в загородном доме Филипа Рота, а мать и ее дочь вернулись в Лондон. Влюбленные вели жизнь довольно уединенную, заполняли время прогулками, чтением и обсуждением прочитанного. Рот заразил Клэр своей любовью к новым писателям из Восточной Европы, таким, как Милан Кундера, Тадеуш Грановский, Бруно Шульц, и к американским классикам XIX века — Готорну, Мелвилу. Толстой, Достоевский и Чехов были у обоих любимым чтением с молодых лет. Но увлечение Клэр Диккенсом, Харди, Джорджем Элиотом Филип не разделял.

ТЕНОР. Он посвятил новой подруге роман «Профессор желания», вышедший в 1977 году. Уединенная жизнь вдвоем в сельской глуши в какой-то мере отразилась в следующей книге Рота, «Литературный негр» (1979). Работая над этой рукописью, Филип однажды попросил Клэр перечислить ему, на что стала бы жаловаться спутница писателя-отшельника, оказавшаяся в подобной ситуации. Та откликнулась мгновенно и с актерским мастерством высыпала на него все наболевшее: «Мы никуда не ходим! Мы ни с кем не встречаемся! Нам нечем занять пустое время!» Они оба посмеялись над разыгранной ею импровизацией, но ее обвинительная речь была перенесена в роман почти дословно.

БАС. В какой-то момент Рот сжалился над своей подругой и предложил ей разделять каждый год на две половины: первую они будут проводить в Коннектикуте, вторую — в Лондоне, где у Клэр был собственный дом. Она с благодарностью приняла этот вариант, но очень скоро под крышей лондонского дома отношения между Ротом и Анной сделались источником раздора. Когда мать и дочь за завтраком с увлечением обсуждали вокальные занятия Анны и другие музыкальные новости, Рот чувствовал себя отодвинутым в тень, что он переносил очень плохо. Если же Клэр пыталась компенсировать это усиленной заботой о возлюбленном, дочь начинала ревновать и обвинять мать в том, что та опять пренебрегает ею ради нового мужчины.

ТЕНОР. Когда у дочери собирались друзья, Рот жаловался,

что производимый ими шум мешает ему сосредоточиться. «Почему же ты не поднялся к ним и не попросил вести себя потише?» — спросила Клэр. «Потому что это твоя работа», — ответил Филип. Напряжение нарастало, и в какой-то момент он вручил Клэр письмо-ультиматум, содержавшее следующие условия: да, ему бы очень хотелось сохранить нынешний союз; но ни при каких обстоятельствах он не согласен жить в одном доме с Анной; если она откажется переехать, он возвращается в Америку; в этом случае их совместная жизнь будет ограничена шестью месяцами в Коннектикуте.

БАС. Впоследствии Клэр сожалела, что уступила нажиму и сняла для дочери отдельную квартиру. Но она к тому времени не имела сил противиться воле своего избранника, чья гневливость выплескивалась на нее потоками сарказма. Он обвинял ее в том, что она впала в невротическую зависимость от капризов дочери-подростка. Для нее же лишиться на пятом десятке лет такого яркого и эмоционально богатого спутника жизни было бы мучительно. А последовать за ним в Америку она не могла, потому что как раз в это время в Лондоне начались съемки телефильма «Возвращение в Брайдсхед», где ей была предложена очень заметная роль лэди Марчмэйн.

ТЕНОР. Мы снова, как и в истории Ричарда Бартона и Элизабет Тэйлор, должны вспомнить пьесу «Двое на качелях». Сближения и охлаждения, ссоры и возвраты нежности перемежаются, создавая непредсказуемый сюжет, посильный только гениальнейшему драматургу по имени Судьба. Жизнь обоих осложнялась тем, что за порогом пятидесятилетия Филипа Рота поджидала хищная стая болезней: закупорка сосудов, боли в спине, ипохондрия. В 1987 году воспаление в колене так усилилось, что он решился на операцию. Она не помогла, боль сделалась невыносимой. Против начинающегося нервного расстройства психиатр прописал ему хальцион, и это лекарство довело больного до настоящей клинической депрессии.

БАС. Запертые вдвоем в загородном доме, Филип и Клэр не знали, к кому обратиться за помощью. У него начались галлюцинации, он прижимался к подруге и плакал, как ребенок, звал умершую мать. Не будучи в силах помочь ему, Клэр тоже чувствовала себя на грани безумия.

ТЕНОР. В этот раз спасение пришло в облике знакомого литератора, Бернарда Авишая, который за год до этого тоже был доведен до нервного расстройства хальционом. Он приехал к ним и объяснил, что понадобятся семьдесят два часа, чтобы вырваться из зависимости от этого наркотика, и что борьба будет мучительной. Он оставался с Филипом каждую ночь, и наутро

они появлялись обессиленные и изможденные. Вся эта эпопея впоследствии была воссоздана Ротом в романе под названием «Операция Шейлок» (1993).

БАС. Когда к Роту вернулась способность работать, он начал новый роман, построенный в виде диалогов между писателем и его женой, с которой он живет в Лондоне, а также между писателем и его возлюбленными, с которыми он встречается втайне от жены. В конце жена находит записные книжки мужа (точно так, как жена Гумберта Гумберта в «Лолите» находит его дневник) и обрушивает на него горькие упреки. Он же, ничуть не смущаясь, обвиняет ее в интеллектуальной ограниченности, в неспособности отличать литературные фантазии от реальной жизни. С искусством умелого адвоката он размывает грани между правдой и вымыслом, переходит от обороны к нападению, объявляет упреки попыткой наложить цензуру на его воображение. Роман вышел в свет в 1990 году под многозначительным названием «Обман».

ТЕНОР. В своих воспоминаниях Клэр Блум описывает, каким шоком было для нее чтение рукописи. Мало того что точно воссоздавалось внутреннее убранство их лондонского дома, что эротические игры писателя с навещающими его красавицами описаны были до деталей (почему-то герой предпочитал заниматься этим на полу), что немолодая неинтересная жена только и способна была лить слезы по поводу измен мужа и упрекать его. Она еще была актрисой и носила имя Клэр. Этого реальная Клэр не могла стерпеть. Она заявила, что имя должно быть изменено, иначе она дойдет до суда, чтобы остановить публикацию романа. Филип, видимо, почувствовал, что любовь к провокациям завела его слишком далеко, и уступил.

БАС. Весной 1989 года закупорка сосудов у Рота усугубилась настолько, что понадобилась срочная операция на открытом сердце. Из Чикаго был вызван брат Сэнди, а восьмидесятилетнему отцу Филипа сказали, что сын просто уезжает на несколько недель в Европу. Операция прошла успешно, врачи обещали полное выздоровление. Радость и облегчение Клэр были беспредельны. По сравнению со страхом, пережитым ею у дверей операционной, все прежние обиды на возлюбленного потускнели. И она призналась ему, что ей хотелось бы, чтобы они, после пятнадцати лет совместной жизни наконец поженились.

ТЕНОР. Филип сказал, что такой серьезный шаг требует серьезного обдумывания, что ему понадобится месяц на размышления. Клэр уехала в Англию, не зная, что ее ждет впереди. Наконец, пришла телеграмма: «Дорогая актриса, я люблю вас. Согласитесь ли вы выйти за меня замуж? Поклонник».

Клэр была так счастлива, что тут же, невзирая на то, что в Коннектикуте была глубокая ночь, позвонила, чтобы прокричать радостное «Да! да! да!» Ничто не должно было омрачать ее ликования. Даже когда в Америке ей дали на подпись брачное соглашение, подготовленное адвокатом Филипа по его инструкциям, она подписала его, не пытаясь вдуматься в последствия, таившиеся в различных пунктах коварного документа.

БАС. И очень пожалела об этом потом. Хотя соглашение давало ей права на их нью-йоркскую квартиру и на изрядную сумму денег в случае смерти мужа, во всём остальном она оставалась абсолютно бесправной. Если муж решал развестись с ней, он мог сделать это в любой момент, без объяснения причин, и оставался свободен от каких бы то ни было финансовых обязательств перед ней. Квартира, имущество, автомобиль — все оставалось его собственностью. Даже Элен Каплан, адвокат Филипа, рекомендовала Клэр посоветоваться с юристом, прежде чем подписывать такую бумагу. Но счастье делает людей беззаботными. Клэр подписала документ и весной 1990 года вступила в брачные отношения в третий раз в своей жизни.

ТЕНОР. Она с благодарностью ловила проявления нежности со стороны нового супруга и старалась не придавать значения недобрым выходкам. Вот он вдруг вручает ей письмо, в котором требует, чтобы дочь Анна проводила в его доме в Коннектикуте не больше недели в году, а в их доме в Нью-Йорке вообще не жила. Что ж поделать! Тяжелый характер — обычный спутник таланта. Вот она пытается уговорить его на покупку небольшого дома в Италии, где они могли бы отдыхать время от времени. Он разражается гневной отповедью, осуждает ее за транжирство. А некоторое время спустя она случайно обнаруживает, что весь их разговор с непонятной целью был записан им на магнитофон. Зато в другой момент говорит ей слова любви или пишет в записке: «Ты — самое драгоценное, что есть у меня в этом мире».

БАС. Надежды, возлагавшиеся Ротом на роман «Операция ‘Шейлок’», не оправдались. Критики встретили его недружелюбно, цифры продаж быстро падали. Настроение Филипа стремительно ухудшалось, он снова оказался на краю такой же депрессии, от какой страдал пять лет назад. Клэр была в Англии, когда он принял решение лечь в психиатрическую лечебницу. По телефону он говорил ей, как он несчастен и одинок, как успокаивающе действует на него ее голос, просил звонить каждый день. Но когда она примчалась, чтобы навестить его в больнице, он объявил, что будет разговаривать с ней только в присутствии врача.

ТЕНОР. Описание этой встречи сохранилось в дневниковой записи Клэр от 9 августа 1993 года. «Филип был бледен и подавлен. Я спросила, почему он дрожит. Он смотрел на меня с откровенной ненавистью, выставив подбородок. „Потому что я очень зол на тебя“. — „За что?“ Дальше он говорил часа два не переводя дыхания. За то что у меня слишком мягкий голос и я нарочно говорю с ним в такой манере, которая отчуждает его; я нелепо веду себя в ресторанах, все время поглядывая на часы и напевая себе под нос; я впадаю в панику, когда он болеет, и неспособна прийти ему на помощь; когда умерла моя мать, он вынужден был взять на себя все хлопоты и сидел в доме один рядом с покойницей; я вынудила его посетить оперу, что было для него мученьем; и так далее. Он помнил все промахи, совершенные мною в течение семнадцати лет. В конце он объявил, что, если Анна приедет, как задумано, в Нью-Йорк на три месяца заниматься со своей учительницей пения, он порвет наш брак».

БАС. Даже психиатр, присутствовавший при этом, сказал: «Филип, все перечисленные вами поступки вашей жены заслуживают — самое большее — минутного раздражения». Клэр спросила его: «Если я так раздражала тебя все это время, почему же ты согласился жениться на мне три года назад?» — «Кто это может понять», — пожал плечами Филип.

ТЕНОР. Бракоразводный процесс растянулся на несколько месяцев. Клэр все еще надеялась если не на возобновление супружества, то хотя бы на сохранение дружеских отношений. Она говорила себе, что перед нею психически больной человек и она обязана пойти ему навстречу, когда он просит об отсрочках и уступках. Любые предложения ее адвоката занять более жесткую позицию отвергались. Клэр позволила бывшему мужу завладеть их квартирой в Нью-Йорке. Когда она прислала ему список своих вещей, которые ей хотелось бы получить обратно, в ответ поползла лента гневных факсов, перечислявших все траты, сделанные им в течение их совместной жизни, реальные и вымышленные. Включены были не только подарки, билеты на самолеты, оплата страховых полисов и прочее, но также требования заплатить ему за литературную помощь при подготовке различных постановок, в которых участвовала Клэр, а также компенсировать нанесенный ею психологический ущерб. Последний пункт исчислялся уже в миллиардах долларов.

БАС. Только после завершения бракоразводного процесса выяснилось, что Филип Рот уходил не в пустоту, что он был в связи с другой женщиной, близкой приятельницей обоих. В своих воспоминаниях Клэр дает ей имя Эрда. Добрая, чуткая Эрда

старалась опекать Филипа во время его болезни. Без объяснения причин она тоже потребовала развода у своего мужа, брак с которым длился двадцать пять лет. Ей удалось занять место Клэр, но их совместная жизнь с Филипом продлилась всего несколько месяцев. Очень скоро Эрда обнаружила, что ее возлюбленный сумел и в больнице завести роман с пациенткой. Совместная жизнь с новой спутницей жизни возродила в нем страх перед моногамными отношениями, лишавшими его возможности отдаваться его главной страсти: поискам новых увлечений. Разрыв был для Эрды крайне болезненным, она тоже пережила нервный срыв.

ТЕНОР. Клэр Блум была полна горечи, пыталась понять, что послужило причиной разрыва, искала свою вину. Может быть, ее сопереживание Филипу было недостаточно эмоциональным? Может быть, она слишком легко впадала в панику из-за его болезней и оказывалась неспособной помочь ему восстановить душевное равновесие? Она вспоминала других мужчин, искавших ее любви, — надежных, основательных, уравновешенных. Один был видным политиком, другой — талантливым архитектором. Почему она отвергла их? Почему предпочла связать судьбу с ярким и непредсказуемым неврастеником? И посреди этих душевных метаний она вдруг получает письмо: «Дорогая Клэр, нет ли возможности нам быть друзьями? Филип».

БАС. Клэр считала дни до назначенной встречи в ресторане. Провела часы в косметическом кабинете, сделала маникюр, долго выбирала платье. Филип явился поздоровевший, только прибавилось седины. Он уселся перед бывшей женой и двадцать минут, со своим обычным блеском, осыпал ее забавными историями и анекдотами, не имевшими никакой связи с их личными отношениями. Он словно бы хотел вернуться на двадцать лет назад и начать покорять и очаровывать Клэр как новую знакомую. Не напоминает ли это нам тщетные попытки Дика и Лиз Бартон начинать любовный роман заново? Но древнее правило и там, и здесь осталось неопровержимым: «Никакую женщину нельзя соблазнить дважды». Клэр удалилась разочарованная и печальная, и больше они не встречались.

ТЕНОР. «Театр Шаббата» — первый роман Филипа Рота, написанный после разрыва с Клэр Блум. Можно подумать, что автор хотел в нем отыграться за все годы, когда близость с женщиной, верившей в необходимость соблюдения приличий, удерживала его эротические фантазии в определенных рамках. Герой этого романа, шестидесятичетырехлетний Микки Шаббат (бывший руководитель кукольного театра), сделал погоню за сексуальными наслаждениями не только главным занятием своей

жизни, но также смыслом и оправданием ее. Его главная подруга, Дринка Балич, разделяет его страсть и готова следовать за ним, а порой и вести на поиски все новых вариантов и комбинаций. Она то подсовывает ему свою племянницу, то соглашается отправиться в постель втроем вместе с нанятой проституткой, то возбуждает его подробными рассказами о том, как она проделывает *это* с другими мужчинами.

БАС. Похоже, что после всех перенесенных болезней мысли о смерти, тоска по поводу нашей смертности заняли в душе Филипа Рота такое же пространство, как и эротика. И в романе «Театр Шаббата» он пытается соединить вместе два главных предмета, занимающих его ум: секс и смерть. Несравненная, незабываемая Дринка внезапно умирает от рака, и безутешный Шаббат по ночам прокрадывается на кладбище, чтобы мастурбировать над ее могилой. Там он сталкивается с другими ее возлюбленными, являющимися с той же целью.

ТЕНОР. Некрофилия, педерастия, оральный и лесбийский секс расписаны с такими подробностями, будто автор задался целью перещеголять все порнографические журналы. Возможно, это способствовало успешной продаже книги. Мне трудно поверить, что какой-то серьезный читатель смог прочесть до конца это раздерганное во времени описание эротических эскапад бывалого Казановы, не способного ни на какие формы человеческих контактов, кроме генитальных. Однако каким-то образом постаревшие секс-революционеры 1960-х сумели сплотиться и воздать должное своему несгибаемому Робеспьеру — удостоили роман Филипа Рота премией за лучшую прозу 1995 года.

БАС. Сам он говорил, что никогда не чувствовал себя таким свободным, как при работе над романом «Театр Шаббата». Полагаю, что здесь мы имеем дело с тем случаем, когда автор не замечает, что его свобода уже перешла в разнузданность и расхлябаность. Он как бы говорит нам: вот я буду тащить своего героя куда хочу во времени и пространстве, сводить с десятками проходных незапоминающихся персонажей, кидать в постели всех встречных женщин, где он будет совокупляться с ними во всех возможных комбинациях, а вы, издатели и читатели, и пикнуть не посмеете, потому что мой статус в американской литературе уже сделал меня недосягаемым для стрел язвительных критиков.

ТЕНОР. В романе маркиза де Сада «Жюстина» герой, отдыхая от истязаний, которым он подвергает бедную девушку, со снисходительной насмешливостью расспрашивает ее, может ли она привести какие-нибудь *логические* аргументы (других он не признает), почему он не должен этого делать. Сечь и насиловать

женщин — главное удовольствие его жизни. Ради чего же он станет отказываться от него? Точно так же и Микки Шаббат доказывает соблазненной им двадцатилетней студентке, что утоление сексуальных страстей является его неотъемлемым правом и никакая логика или этика не смогут удержать его.

БАС. Конечно, действуют в романе и персонажи, которые осуждают и стыдят Микки Шаббата. «И не надоело тебе, с твоей седой бородой и торчащим животом, прославлять порнографию, фетишизм, вуайеризм и размахивать флагом, насаженным на член? — говорит один. — Ты просто старый, отставший от моды шут, Микки Шаббат». Но такие нападки — только часть стратегии Филипа Рота, создающие иллюзию, что имеет место суд над героем. На самом деле главным для него остается все то же: постоянно менять обличья, постоянно менять правила игры, чтобы никто и никогда не смог воскликнуть: «Вот настоящий Филип Рот — я поймал его и сейчас поставлю на место, которого он заслуживает».

ТЕНОР. Другая примечательная черта творчества Филипа Рота — дотошное внимание к исторической хронологии. Точно указаны даты в жизни различных действующих лиц, и они соотносятся с тем, что происходило в эти годы в стране и мире. В 1950-е годы положительные герои Рота поносят маккартизм и покончившего с маккартизмом Эйзенхауэра, в 1960-е — Линдона Джонсона и вьетнамскую войну, в начале 1970-х — Никсона и Уотергейтский скандал, в конце — президента Картера и его беспомощность перед иранскими аятоллами, в 1980-е — реакционера Рональда Рейгана, в 1990-е — дезертира и развратника Билла Клинтона. И еще: как правило, главному герою или рассказчику ровно столько лет, сколько самому Роту в год написания романа.

БАС. На сегодняшний день глава из романа Джейн Хобхауз и воспоминания Клэр Блум являются чуть ли не единственными двумя просветами в тумане, которым Филип Рот окружил свою личную жизнь. Должно пройти время, прежде чем другие его возлюбленные — тайные и явные — решатся рассказать о том, что им довелось пережить с неугомонным Алексом-Натаном. Для того чтобы приблизиться к пониманию произошедших в нем перемен, нам остаются только поздние романы Филипа Рота. И среди них я бы выделил трилогию, представляющуюся мне наиболее интересной для нашего исследования: «Американская пастораль» (1997), «Мой муж — коммунист» (1998) и «Людское клеймо» (2000).

ТЕНОР. В центре романа «Американская пастораль» — семья Симура Левова, за которым в школе утвердилось прозвище Швед,

потому что светлые волосы и светлая кожа делали его совершенно непохожим на еврея. Он проявлял отличные способности во всех спортивных играх, был легендой Ньюарка, но отказался от предложенной ему блестящей спортивной карьеры, чтобы поступить на фирму отца, имевшего фабрику по изготовлению кожаных перчаток. Все задуманное ему удавалось, все начинания приходили к успешному завершению. Он женился на красавице, завоевавшей в свое время титул «Мисс Нью-Джерси», они родили дочку, поселились в красивом доме, жили в дружбе и мире с соседями и родней. Одно тревожило их: у подраставшей дочери Мередит (Мерри) обнаружилось сильное заикание.

БАС. Никакие врачи, никакие специалисты по исправлению дефектов речи не могли помочь. То ли вследствие заикания, то ли по складу характера девочка росла нелюдимой, непослушной, легко сердилась и ввязывалась в споры с родителями. Как и многие ее сверстники в 1960-е годы, она была возмущена войной во Вьетнаме. «Да, я удираю в Нью-Йорк, потому что там я встречаюсь с людьми, которые, в отличие от вас, чувствуют свою ответственность перед вьетнамцами. Они хотят что-то сделать, чтобы американские бомбы перестали разрывать на куски вьетнамских детей. А вы! — Вы не допустите, чтобы этот кошмар испортил вам настроение хоть на один день!»

ТЕНОР. Родители Мередит тоже были против войны. Однако они считали, что бороться за мир нужно путем участия в демонстрациях, писания писем протеста, голосованием на выборах. Но шестнадцатилетняя девочка попала под влияние радикальной организации, которая впоследствии стала известной под названием «Везермен». Эти использовали другие методы борьбы. И тихим летним утром в районе, где жили Левовы, случилось непоправимое: у местного почтового отделения взорвалась бомба. Погиб случайный прохожий — врач, подошедший к почтовому ящику, чтобы опустить письмо. А Мередит исчезла из дома и из города.

БАС. Дальше главной сюжетной линией романа становится эпопея поисков пропавшей дочери. Шведу нужно было быть крайне осторожным в этом деле, потому что её разыскивали также полиция и ФБР. Иногда появляются тайные посланцы, которые сообщают отцу, что дочь жива, но ненавидит своих родителей — капиталистов, эксплуататоров — и никогда к ним не вернётся. Однако деньги, предлагаемые Шведом, посланцы принимают.

ТЕНОР. Новые поколения уже забыли ту волну внутреннего терроризма, которая захлестнула Америку в те годы. На странице

148 Филип Рот приводит краткий перечень взрывов, поджогов, ограблений и убийств, совершенных в разных городах Америки якобы во имя прекращения войны. Но в другом месте писатель переносит нас в 1980-е. Никакой войны нет, однако люди гибнут на улицах Ньюарка чуть не каждый день. Черные мальчишки двенадцати-пятнадцати лет крадут автомобили (статистика — сорок машин за сутки), чтобы носиться в них по улицам со скоростью восемьдесят миль в час. Любимый их трюк называется «пончик»: разогнаться и потом резко ударить по тормозам, одновременно повернув руль. Машина начинает бешено крутиться на месте. Мальчишкам совершенно неважно, кто погибает под их колесами: белые или черные, женщины или дети. Главное — чтобы повеселиться. Если полицейская машина погонится за ними, они могут развернуться и протаранить ее лоб в лоб — тоже веселье. Они знают, что серьезное наказание несовершеннолетним не грозит.

БАС. Сердце Шведа истекает кровью от тревоги за дочь. Но параллельно он пытается понять свою судьбу, ищет ошибки, совершенные в прошлом, пересматривает свои верования. В конце концов он находит Мередит — сменившую имя, присоединившуюся к религиозной секте, отвергающей все виды собственности, живущую в полуразрушенном доме, в комнате без окон. Вскоре Швед умирает от рака простаты. Такая же болезнь постигает рассказчика, нашего неизменного Натана Цукермана. Перенесенная операция сделала его импотентом. Вправе ли мы принять эту деталь как автобиографическую подробность?

ТЕНОР. Если это так, я склонен искать здесь объяснение того факта, что в «Американской трилогии» сексуальная тема впервые в творчестве Филипа Рота отходит на задний план. Второй роман трилогии, «Мой муж — коммунист», многие критики объявили «романом-местью» — ответом — контрударом — на мемуары Клэр Блум. Натан Цукерман фигурирует там в виде подростка, созревающего в эпоху маккартизма, жаждущего бороться за справедливость и увлекающегося идеями страстно убежденного коммуниста, Айры Рина. Рин завоевал известность как радиокомментатор леворадикальных взглядов, но при этом сам живет в особняке своей богатой жены — знаменитой актрисы немого кино, теперь достигшей славы и в радиоэфире. Вспомним, что Клэр Блум успешно выступала с чтением стихов на радио, участвовала в радиопостановках.

БАС. Если Рот действительно хотел создать карикатурный портрет своей бывшей жены, то надо признать, что попытка эта провалилась. Героиня его романа, Ева Фрейм, — тоже еврейка, тоже дважды была замужем, тоже имеет дочь-музыкантшу, тоже

владеет собственным домом. Все приметы для «опознания» налицо. Но при этом она получилась живой, отзывчивой, непосредственной и обладающей свойством, которого остальным персонажам сильно недостает: добротой. Да, она страстно любит дочь и защищает ее от нападок раздражительного мужа, не считающего нужным сдерживать приступы гнева и доходящего до планирования убийства обеих. Но это ее только красит.

ТЕНОР. В конце, устав от измен мужа, Ева порывает с ним и пишет горькие мемуары, изобличая его принадлежность к коммунистической партии и ставя под удар Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Конечно, мемуары Клэр Блум не сделали Филипа Рота объектом политических преследований. Но его характер и поступки, до тех пор успешно скрываемые за чередой двойников и масок, приоткрылись для читающей публики. Один из критиков язвительно заметил, что ей следовало бы изменить название книги: вместо «Покидая кукольный дом» — «Я вышла за депрессивного нарциссиста». Другой подметил, что в романе «Мой муж — коммунист» как раз главный герой является скопищем всевозможных недостатков: он живет за счет жены, но при этом хамит ее гостям, бравирует своим радикализмом, изменяет ей с вульгарной массажисткой, а потом — и с подругой дочери. Последнее имело место в реальной жизни: Рот пытался соблазнить подругу Анны, Рашель.

БАС. В мемуарах Клэр Блум есть характерная сцена: они сидели в ресторане и услышали, как за соседним столиком какая-то женщина обронила антисемитское замечание. Рот немедленно встал, подошел к ней, обозвал нехорошим словом и покинул ресторан. Мало того — вечером он устроил Клэр разнос за то, что она не присоединилась к нему. То есть и в жизни ему мало было выразить свой гнев — ему нужно было, чтобы все близкие последовали его примеру. В романе «Мой муж — коммунист» все герои наперегонки выражают свое возмущение по поводу политических событий, социальных условий, поведения окружающих. Вместо сюжета и характеров перед читателем тянутся сгустки озлобления, направленного в самые разные стороны. Как справедливо заметил один критик, «Рот использует главного героя, Айру Рина, как дубинку против старых леваков-сталинистов, а Еву Фрэйм — как дубинку против бывшей жены».

ТЕНОР. Сам Натан Цукерман говорит в конце: «Оглядываясь на свою жизнь, я ощущаю ее как долгую речь, произносимую разными голосами». И вряд ли он или Филип Рот замечали те моменты, когда зал, собравшийся послушать воспроизводимую речь, начинал пустеть. Поневоле вспоминается саркастическая

похвала в адрес Клэр Блум, произнесенная Гором Видалом и вынесенная на обложку ее книги: «Она сумела осуществить то, что никогда не удавалось самому Филипу Роту — сделала его интересным».

БАС. Среди сюжетных конструкций, используемых Ротом, нередко повторяется одна, которой подошло бы название «А что, если?». Она не раз использовалась и в мировой классике. «А что, если человек превратится в нос?» — и Гоголь придумывает своего майора Ковалева. У Кафки — «а что, если человек превратится в жука?» То же самое и у Филипа Рота: «А что, если профессор литературы превратится в гигантскую женскую грудь?» (роман «Грудь», 1972); «а что, если Анна Франк не погибла в немецком концлагере?» («Литературный негр», 1979); «а что было бы, если бы в 1940 году президентом был избран Чарльз Линдберг?» («Заговор против Америки», 2004). В этот же ряд можно поставить и роман «Людское клеймо» (2000): «а что, если в негритянской семье родится мальчик с белой кожей?»

ТЕНОР. Примечательно, что никто из персонажей этого романа не задается естественным вопросом: «А не было ли у матери героя, Колмана Силка, связи с белым мужчиной?» Нет, миссис Силк, черная медсестра в большой больнице, по замыслу автора, — женщина слишком достойная и любящая своего мужа, она должна остаться выше таких подозрений. Двое других детей у нее родились черными, а Колман Брутус родился белым, видимо, в результате каких-то генных пертурбаций, возможно, связанных с недостойным поведением белых плантаторов в далёком прошлом.

БАС. Как и сам Филип Рот, в юности страстно отдававшийся бейсболу, как и еврейский подросток Швед в романе «Американская пастораль», черно-белый подросток Колман был талантливым спортсменом, его победы на ринге возносили его над сверстниками. И в какой-то момент *страсть побеждать* подтолкнула его на попытку *победить судьбу:* при поступлении на военную службу, заполняя анкету, в графе «раса» он написал «белый».

ТЕНОР. Однако обо всем этом читатель узнает лишь где-то в середине романа. На первых страницах перед нами — пожилой профессор античной литературы в небольшом колледже, вдовец, имеющий четырех взрослых детей, живущий одиноко в своем загородном доме. Свое происхождение он успешно скрывал от всех, включая членов семьи, в течение сорока лет.

БАС. После долгой и успешной карьеры, поднявшей его на пост декана, ему довелось пережить унизительный скандал: коллеги, рьяно отстаивающие правила политической корректности, перетолковали невинное замечание, оброненное

им перед студентами, как расистское и потребовали, чтобы он принес извинения. Возмущенный несправедливостью профессор Силк увольняется из колледжа и собирается написать разоблачительную книгу о происшедшем. За помощью он обращается к живущему неподалеку писателю, которого зовут — как? Конечно, Натан Зукерман.

ТЕНОР. Между двумя стариками возникает дружба, и вскоре Колман Силк сознается Натану, что на восьмом десятке у него разгорелся роман с уборщицей вдвое моложе его. Фаня Фарли — еще один вариант того типажа в творчестве Филипа Рота, который мы договорились обозначать словом ДУМ (девушка, униженная мужчинами). Ей было восемь лет, когда богатый и властный отчим начал использовать ее для сексуальных утех. В четырнадцать она убежала из дома и скиталась по стране, пока не вышла замуж за ветерана вьетнамской войны. Он оказался жестоким пьяницей, избивал ее по любому поводу. Она развелась с ним, забрав двоих детей, но он продолжал преследовать ее, хотя суд наложил на него запрет приближаться к бывшей жене. В довершение всех несчастий ее жилье загорелось, и дети погибли, задохнувшись в дыму.

БАС. Рот мог бы назвать свой роман «Гроздья гнева», если бы Стейнбек не использовал это название раньше. А о гневе, переходящем в ярость, «сердитый писатель» Рот знает все и умеет воссоздавать его с богатейшими оттенками. Колман Силк полон гнева на своих коллег по академическому миру, отказавшихся расслышать прямой смысл произнесенных им слов и исказивших его ради отстаивания своих псевдолиберальных идей. Его старший брат полон гнева на Колмана за то, что он притворился белым, порвал со своей черной семьей, лишил обожавшую его мать возможности узнать ее белых внуков. Фаня Фарли полна презрительного гнева на свою горькую судьбу и мужчин, попадавшихся ей на пути. Но страшнее всех разгневан ее бывший муж, Лестер Фарли.

ТЕНОР. Впечатления и опыт вьетнамской войны, казалось, выжгли в этом человеке всякую тень доброты и способности к состраданию. Друзья-ветераны пытаются помочь ему вернуться в нормальное состояние, приглашают принять участие в совместной встрече, происходящей в китайском ресторане. Но один вид азиатских лиц приводит его в такую ярость, что друзья просят официантов не приближаться к их столику, сами приносят блюда из кухни. Лес Фарли выписан с таким мастерством, что его можно причислить к череде масок-автопортретов Филипа Рота. Он — маска гнева. По роману был поставлен отличный фильм с участием Энтони Хопкинса и Николь Кидман, но сильнее всех

врезается в память зрителей Эд Харис, сыгравший Леса Фарли.

БАС. Тот факт, что Колман Силк преподает античную литературу, позволяет Роту использовать аллюзии на греческие трагедии. Упоминание гнева Ахилла, ярости Филоктета, безумия Аякса, мести Медеи кажутся уместными на фоне разворачивающейся драмы. В конце обуреваемый ревностью Лес Фарли убивает Колмана и Фаню. Он подстраивает аварию их автомобиля так умело, что не оставляет никаких улик. Лишь Натан Цукерман догадывается о том, что произошло на самом деле, но доказательств у него нет.

ТЕНОР. Три романа, составляющие «Американскую трилогию», вернули Филипу Роту признание читателей и критиков. Посыпались награды, призы, почетные звания. «Американская пастораль» была удостоена Пулитцеровской премии, «Людское клеймо» получило Британскую премию Смита за лучшую книгу года. На доме, в котором Рот рос в Ньюарке, теперь установлена памятная доска, его именем названа улица. Есть общество поклонников Филипа Рота и журнал, освещающий его творчество. Недавно вышла однотомная энциклопедия, посвященная исключительно Филипу Роту и его творчеству, содержащая подробное описание его произведений, библиографию, хронологию жизни, перечень статей о нем.

БАС. В 2006 году «Нью-Йорк таймс бук ревью» разослала письмо двумстам видным писателям, критикам, редакторам, прося их назвать одну самую лучшую книгу, опубликованную за последние двадцать пять лет. Среди двадцати двух наименований, получивших наибольшее число голосов, оказалось шесть романов Филипа Рота.

ТЕНОР. Конечно, не умолкали и голоса тех, кто был недоволен писателем. Серия коротких романов, написанных им в первую декаду XXI века, действительно варьирует снова и снова поднадоевшие темы эроса, болезней, творческого бессилия, приближающейся смерти. Снова перед нами проходят любовные треугольники, снова подробные описания того, как и что именно проделывают друг с другом в кровати две женщины и один мужчина. Так пишут не для читателя, так пишут, чтобы возбудить и потешить самого себя.

БАС. Безжалостная и проницательная Мичико Какутани в своей рецензии на роман «Умирающий зверь» (2001) писала: «Автор манипулирует персонажами как режиссер, заставляя их иллюстрировать одни и те же философские идеи: что эрос, как и искусство, может быть использован в качестве иллюзорного барьера против смерти; что радостные надежды на счастье впереди слишком часто разбиваются о жестокую реальность; что

порыв к свободе часто чреват не только утратами, но и новой неволей».

ТЕНОР. И вдруг, точно спортсмен в марафонском забеге, нашедший новый запас сил на последнем километре дистанции, в 2010 году Филип Рот выпускает свой 31-й роман, «Немезида», в котором его талант снова заблистал, как полвека назад. 1944 год, война в разгаре, но герой, Баки Кантор, не взят в армию из-за плохого зрения. Он работает со школьниками на городских спортивных площадках. И в его жизнь вторгается враг не менее страшный, чем нацисты и японцы: в Нью-Джерси началась новая эпидемия полиомиелита. Вакцина еще не открыта, и его ученики гибнут один за другим. Он ухаживает за ними, утешает семьи, а потом заболевает и сам. Простая и страшная драма воссоздана с таким мастерством и достоинством, что невольно вспоминается «Чума» Альбера Камю.

БАС. Думаю, этот роман займет в творчестве Филипа Рота такое же место, какое занимает в творчестве Хемингуэя «Старик и море»: чуть в стороне и выше остального. Впервые мы видим у него героя, для которого безопасность и благополучие других важнее его собственных вожделений и амбиций. Однако и ему присуща черта, пронизывающая жизнь самого Рота и многих его персонажей: уверенность, что он умеет отличать правильное поведение от неправильного, что на свете есть некий неписаный кодекс, по которому можно отличать достойные поступки от недостойных. Баки Кантор выжил, но остался инвалидом. Девушка, с которой у него был роман, клянется, что продолжает любить его всем сердцем, умоляет не губить их чувство, жениться на ней. Но Баки считает, что было бы нечестно обременить собой возлюбленную на всю оставшуюся жизнь, и отказывает ей.

ТЕНОР. Искусство немыслимо без прикосновения к тайне бытия. Особенность творчества Рота, мне кажется, состоит в том, что эта тайна присутствует в нем негативно: мы ощущаем ее через ужас, испытываемый автором перед ней, через отталкивание от нее, через отчаянные попытки подменить Тайну *загадками.* Загадочная смена масок, загадочные переносы героев во времени и пространстве, непредсказуемые скачки и смены эротических отношений, загадочные недуги и неуверенные попытки бороться с ними — всё это необходимо Роту для того, чтобы не остаться лицом к лицу с простым кошмаром Небытия. И толпы критиков и литературоведов с готовностью включаются в предложенную им погоню за разгадками, погружаясь в то, что писатель Герман Гессе назвал «Игрой в бисер».

БАС. Готов согласиться с вами. Хочу лишь отметить, что своим духовным исканиям Филип Рот предавался с искренней

страстью, не боясь нарушать барьеры и запреты своей эпохи. Его можно сравнить со спелеологом, спускавшимся в самые темные пещеры человеческого бытия и не боявшегося вопить оттуда об опасных змеях и ящерах, скрывающихся за туманом приличий. Даже если будущие поколения читателей найдут его искания бесплодными, они останутся важной метой на карте духовных плаваний. Ведь в истории географических открытий мы ценим не только тех первопроходцев, которые открыли нам цветущие острова и континенты, но и тех, кто оставил на картах спасительные пометки: мель, рифы, водоворот, подводный вулкан, цунами. Да, уже из истории Фауста мы узнали, что в упоенном собой эгоизме найти спасение невозможно. Но когда мы видим перед собой нашего современника, снова погрузившегося в эту пещеру и прошедшего весь извилистый путь до грани безумия и самоубийства, — это убеждает сильнее, чем стихи Гёте и музыка Гуно.